

5. МОРОЗОВА Елена Николаевна. **Анализ техногенных факторов чрезвычайных ситуаций как основа философии социальной безопасности.** Защита: ГБОУ ВПО города Москвы «Московский городской педагогический университет» (Москва).

6. ФЕДИН Дмитрий Сергеевич. **Институционализация личностного бытия в обществе риска.** Защита: ФГБОУ ВПО «Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (Саратов).

Специальность 09.00.14 – философия религии и религиоведение

7. ЖУКОВА Алена Алексеевна. **Буддийские идеи в религиозности русских Забайкалья.** Защита: ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» (Чита).

РЕЦЕНЗИИ, АННОТАЦИИ

---

*Рубрику ведет **Нина Федоровна Бучило***

E-mail: nbuchilo@rambler.ru

Уважаемые коллеги! В «Вестнике РФО» публикуются рецензии и аннотации. Рецензией признается материал только критически-дискуссионного характера, концентрирующий внимание читателя на проблемах, новизне и недостатках работы (объем рецензии – до 2 стр.). Материалы, не соответствующие этим требованиям, могут быть опубликованы в виде аннотации объемом не более 0,5 стр.

РЕЦЕНЗИИ

НОВАЯ ФИЛОСОФСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА

Актуализация обращения к мультикультурализму обусловлена разноаспектным (экономическим, политическим, нравственно-духовным) кризисом конца XX – начала XXI вв., предельно обострившим в числе множества других противоречий и этно-национальные.

Мультикультурализм, как известно, исторически и в настоящем представляет часть национальной политики в многонациональных государствах и отражает в политической идеологии и реальной политике государств их отношение к культуре своих т.н. «не-титульных» народов.

Являясь универсальным феноменом глобального социокультурного развития мультикультурализм как государственная политика исторически содержал и в настоящее время содержит в себе возможность способство-

вать гармоничному синтезу различных этно-национальных и региональных культур (см. опыт Древнего Востока, Древней Греции, Среднего Востока, Европы и т.д.), либо тормозить их развитие путем радикального вмешательства и насильственной культурной ассимиляции, исторически порой приводившей к почти полному исчезновению этих культур и их этнических носителей.

В настоящее время переход общества к однополярной системе и обострение разноуровневных имперских тенденций, естественно, сказался на закономерностях формирования и развития проявлений мультикультурализма, сущностью меняя его как, в так называемом, западном, так и постсоветском регионах.

О т.н. «арабской весне», роли Запада в ней и последовавшем существенно изменившемся западном мультикультурализме известно; об этом и я говорила на Бакинском Гуманитарном Форуме 2011 г., выступление мое помещено в Интернете (<http://orientalphilosophy.org>). В том выступлении я говорила и о научной, и нравственно-политической актуальности оценки проявлений мультикультурализма в постсоветском регионе в свете идеалов гуманизма, демократизма и в частности, интернационализма как общечеловеческих ценностей. Разумеется, это объекты специальных исследований.

Известно, что влияние мультикультурализма на общественные науки и философию, их взаимосвязь, и влияние последних на формирование самосознания личности, а также общественное мнение, обуславливающее разнохарактерные взаимоотношения в обществе, не нуждаются в аргументации.

В свете изложенного выше, я хотела бы остановиться на некоторых концептуальных принципах Новой Философской Энциклопедии (В 4 т. М., 2010), которые, возможно, как выражение специфики постсоветского мультикультурализма, могут стать объектами обсуждения.

О том, что НФЭ может рассматриваться как яркое отражение постсоветского мультикультурализма в философской науке Российской Федерации свидетельствует и высокая правительственная оценка ее концепции.

Прежде всего, считаю своей обязанностью признать, что появление НФЭ является значительным событием в глобальном научном пространстве III тысячелетия. Это результат поистине титанического труда авторско-редакторского коллектива, который, исходя из современного уровня развития философии и науки в эпоху крушения социально-экономических систем и идеологий, взял на себя неимоверно тяжелое бремя создания НФЭ. НФЭ заслуживает – заслужила и заслужит еще много похвал, среди которых, несомненно, будет стоять и высокая похвала правительства РФ ее концепции.

Свое же отношение к концепции НФЭ я хотела бы выразить в виде ряда вопросов, обращенных как к авторско-редакторскому коллективу Энциклопедии, так и к читателям ее – специалистам и неспециалистам.

Изложенное ниже является моим отношением к заданным вопросам и я единолично несу ответственность за свою позицию изложения и оценки их. Позиция моя сформирована в процессе многолетних (начиная с 60-х годов прошлого века по настоящее время) попыток научных исследований в области теоретических проблем истории культуры, в частности, философии и истории философии, а также истории философии Азербайджана и Исламского региона в целом в контексте истории всемирной философии.

Вопрос 1. Почему Энциклопедия названа её авторами «новой»? Имели ли в виду они время ее издания – 2010 г. или новизну по отношению к Философской энциклопедии советского периода (В 5 т. М., 1960-70 гг.)?

Либо новая концепция НФЭ в изложении всемирной философии, как универсального феномена глобального общественного сознания, ее закономерностей и категориального аппарата исходя из опыта Запада и Востока, как органических частей единого целого, даёт представление о глобальной философии как сущности единой системе?

К сожалению, с подобным подходом в НФЭ мы не встретились. Авторы следовали поныне господствующему стереотипу противопоставления разнотнических и разнорегиональных философий Востока, как принципиально единой системе философии Древней Греции и Запада, как бы в контексте последних излагалась обширно представленная русская философия.

Вопрос 2. По какой причине авторам НФЭ понадобилась новая надуманная концепция представления философии народов Исламского региона, специфика, которой якобы обусловлена грамматикой арабского языка и из которой исключили помимо философии отдельных неарабских народов региона и философию ее тюркоязычного ареала в целом?

Вопрос 3. По какой причине из НФЭ столь необоснованно исключили статьи о философии нерусских народов бывшего СССР – народов Южного Кавказа, Средней Азии, Казахстана, а заодно и нерусских народов, продолжающих оставаться в составе РФ – татар, башкиров, дагестанцев и т.д.?

Вопрос 4. По какой причине вопреки реалиям, из НФЭ в статьях о советской и постсоветской истории философии почти полностью отсутствует информация об азербайджанской философии и философии других бывших республик СССР, и одновременно из литературы к статьям НФЭ исключили произведения представителей этих республик.

Вопрос 5. Можно ли с точки зрения составителей и читателей НФЭ данные вопросы, а их можно увеличить до сотни, считать обусловленными закономерностями либо спецификой постсоветского мультикультурализма, отраженного в исследованиях ряда известных современных российских философов, и можно ли считать изложенное приемлемым в свете ценностей научной и общечеловеческой этики? Кстати, с точки зрения формальной логики вряд ли можно говорить о этно-национальных культурах, не определив содержания понятий «этнос» и «нация» (см. статью В.А. Тишкова, «Этничность» и «Нация» НФЭ. Т. IV). Тут явно требуются методологические принципы нечеткой логики всемирно известного Л. Заде, которого составители НФЭ, как и его соотечественников Бахманяра, Низами и др. не нашли нужным включить в свою Энциклопедию.

С сожалением, придется признать, что постсоветский мультикультурализм ощутимо сказался на шкале ценностей ряда современных российских философов, столь радикально отвернувшихся от научных традиций своего прошлого.

P.S. Осознавая, что НФЭ – детище начала эпохи перестройки СССР, что это Энциклопедия эпохи перехода от социализма к капитализму, надеемся, что в недалёком будущем она будет переиздана в несколько ином виде и отразит объективное научное представление об истории всемирной философии, и в частности истории философии советской эпохи и постсоветского научного пространства, которое пока продолжает существовать как феномен.

Зумруд Кули-заде, д.ф.н., гл.н.с. НАНА (Баку, Азербайджан)

Григорьев Б.В. О РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ. Александр Александрович Биневский: философский силуэт, школа и парадоксы

Монография. Издательский дом Дальневосточного федерального университета. – Владивосток. 2012. – 67 с.

В монографии Бориса Васильевича Григорьева анализируется творческое наследие дальневосточного философа А.А. Биневского, (1937-2010), который был руководителем кафедры философии ДВГУ в течение десяти лет, основал философское отделение университета и занимался исследованием традиции неокантианства в истории русской философии. В работе Б.В. Григорьева проводится сравнительный анализ текста диссертации А.А. Биневского и последней главы его книги: История русской философии; идеи и концепции. Воронеж: ВГПУ, 2008, предметом которых было русское неокантианство. Отмечается, что автор (Биневский А.А.) выбрал актуальный и, вместе с тем, проблемный предмет исследования, так как неокантианство было наиболее заметным явлением в европейской и русской философии конца XIX – начала XX вв.

Положительной стороной работы Б.В. Григорьева выступает стремление вписать в орбиту научных интересов А.А. Биневского социально-идеологический и теоретико-познавательный контекст того времени, в котором жил автор. Так постепенно на страницах работы вырисовываются всемирно известные философы немецкой и русской культур. В должной мере освещаются их центральные положения в логике и историко-философских подходах. При этом автор стремится воссоздать идеологический климат прошлых лет и эпохи 60-80-х годов в СССР, систему образования и подготовки философских кадров, отмечая партийную направленность философского образования в нашей стране и на Дальнем Востоке в частности. Заслуживающим профессионального интереса историка философии в данной работе выступает пятая глава, посвященная научной и педагогической деятельности Матвея Николаевича Ершова (с. 56-64). Справедливо отмечается его концептуальный вклад в исследование русской философской мысли. На примере творчества М.Н. Ершова демонстрируется не только смелость его мысли, но и жизненного поступка: оставить обжитый профессорский кабинет в Казанском университете и уехать в необжитые тихоокеанские границы Российской империи с просветительской целью – расширять пространство русской философской культуры, высшего российского образования. Творчество Матвея Николаевича в Дальневосточном университете автором органично вписывается в сюжетную линию анализа: связать прошлое и настоящее в философской работе на Дальнем Востоке и описать наличие разных подходов в исследовании истории русской философии, при этом акцент сделан на перспективность и продуктивность методологического подхода Ершова по сравнению с марксистским подходом, которого придерживались предыдущие исследователи, включая А.А. Биневского. В этом контексте осмысляются итоги философского образования на Дальнем Востоке, определяются творческие замыслы будущих исследователей, которые могут продолжить нереализованные замыслы дальневосточных философов.